
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
И НАЦИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

“СТРАНА” И “АВТОНОМИЯ”
КАК ЕДИНИЦЫ УЧЕТА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

© 2017 г. О. Подвинцев, К. Сулимов

*ПОДВИНЦЕВ Олег Борисович, доктор политических наук, профессор.
Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, РФ, 614990 Пермь, ул. Ленина, 13а
(podvintsev2009@yandex.ru).*

*СУЛИМОВ Константин Андреевич, кандидат политических наук, доцент.
Пермский государственный национальный исследовательский университет, РФ, 614990 Пермь, ул. Букирева,
15 (k.sulimov@yandex.ru).*

Статья поступила в редакцию 24.05.2017.

В статье исследуется термин “страна” и его использование для характеристики разных форм территориальной организации современного мира. Данное понятие, широко распространенное в повседневной практике, обычно применяется в отношении класса объектов, интуитивно обладающих некой общностью, которая конкретизируется посредством других определений. Соотнесение категорий “страна”, “государство” и “автономия” позволяет расширить понимание природы и структуры сегодняшней карты мира и внести вклад в концептуальную дискуссию о “территориях с особым статусом”.

Ключевые слова: страна, суверенное государство, автономия, колониальная и континентальная империя, территория с особым статусом.

DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-11-66-75

Основной формой территориальной организации современного мира по-прежнему остается суверенное государство (*nation-state*). Возможно, под влиянием происходящих процессов (прежде всего, глобализации) его доминирование в политической, экономической, культурной (идентичность) и прочих сферах уже не столь безусловно как раньше. Но по отношению к различным социальным субъектам — от конкретных индивидуумов до глобальных корпораций — государство продолжает играть важную структурирующую и содержательную роль. Главным фактором такого доминирования суверенных государств является обладание ими исключительного контроля над отделенной территорией с точно очерченными границами. При этом сама идея *nation-state* предполагает универсалистский характер контроля, что способствует унификации как социальных практик внутри данного пространства, так и форм территориальной организации по всему миру. С последним связано то обстоятельство, что сейчас, *казалось бы*, не осталось физических территорий, не входящих в то или иное суверенное государство (за некоторыми исключениями, основное из которых — Антарктида, статус ее определен межгосударственным соглашением и при этом оспаривается).

Однако универсализм имеет пределы. Наряду с суверенными государствами на карте мира

представлено значительное количество территориальных образований, обладающих различными особыми статусами. Они существуют как вне суверенных границ государств, так и внутри их. При этом само разделение на “вне” и “внутри” носит достаточно условный характер и дискутируется и в концептуальном, и в конкретном политическом плане. Проблематичными являются также формы связи между государствами и территориями с особыми статусами. На сегодня отсутствует конвенциональное понимание природы, форм и положения “территорий с особым статусом”. В рамках теоретических обсуждений для фиксации и описания таких территорий используются десятки терминов, среди которых наиболее широким по охвату понятием является “автономия”. Но далеко не все в научном сообществе согласны с этим [1]. Одна из ключевых трудностей исследования состоит в том, что в процессе концептуализации понятий для дальнейшего эмпирического использования необходимо сохранить связь с реальными практиками, в том числе в отношении используемых многочисленных терминов, которые задаются уникальными конкретными обстоятельствами. В концептуальных построениях, так или иначе затрагивающих эту тему, можно встретить различные варианты таких терминов — “ассоциированные государства”, “федерации”, “конфедерации”, “автономные регионы и провинции”, “гомруль”, “территориальное

самоуправление”, “деволюция”, “децентрализация”, “регионализм” и т.д. [2; 3; 4].

В то же время понятие “страна” почти не используется в научном обороте, несмотря на его традиционно широкое применение в практическом плане. Точнее говоря, им оперируют, но как своего рода вспомогательным инструментом, для указания на класс объектов, интуитивно обладающих некоей общностью, которая конкретизируется с помощью других терминов и понятий. Между тем именно анализ такого использования может расширить понимание характера и структуры территориального устройства современного мира и внести вклад в дискуссию о “территориях с особым статусом”.

КТО И КАК СЧИТАЕТ СТРАНЫ

Слово “страна” имеет массу значений, актуализируемых в зависимости от контекста. Кроме того, в разных языках оно имеет свою этимологию. В русском языке слово “страна” является заимствованием из церковнославянского (старославянского) и имеет исходное значение близкое к слову “сторона” [5, с. 771]. Страна это сторона чего-либо, а именно земли, территории. Английское слово *country* происходит от латинского *contra*, то есть противоположная сторона, лежащее напротив [6]. Латинское *pagus* — разновидность территориальной единицы в эпоху Древнего Рима и средневековья — легло в основу французского слова *paus*. Но принципиальным является то, что все эти слова в разных языках связаны общим смыслом. Они отсылают к культурно-историческому и социальному содержанию: “страна — это единство народа, природы и культуры” [7]. Во Франции, например, *paus* обозначает еще и область, жители которой имеют общие географические, экономические, культурные или социальные интересы и имеют право заключать контракты коммунального планирования в соответствии с законом [8].

Интересно, что, хотя “страноведение” признается “старейшей ветвью географии, возникшей еще в античном мире”, авторы учебников по соответствующей дисциплине признают, что до настоящего времени общепринятого определения данного понятия нет, а “страну”, по сути, приравнивают к “государству” [9; 10].

Слово “страна” (преимущественно в английском эквиваленте) широко используется в международной практике для определения некоей совокупности территориальных образований, которая в количественном отношении всегда превосходит существующие суверенные государства. Конкретные совокупности варьируются в широком диапазоне по числу и составу

в зависимости от сферы и цели использования и прочих конкретных обстоятельств.

Например, такие известные и значимые международные организации, как Международная федерация футбольных ассоциаций (ФИФА) и Международный олимпийский комитет (МОК) проводят собственную политику в отношении представительства в своих рядах отдельных территориальных образований. Поэтому количество стран — участников этих организаций (ФИФА — 211 ассоциаций, МОК — 206 национальных олимпийских комитетов) не только разнится между собой, но и не совпадает со списком членов Организации Объединенных Наций (193 и 2 наблюдателя) [11; 12].

Другой пример касается международного стандарта *ISO 3166* — кодировки стран (*country codes*) и их административных единиц [13]. Перечень образований верхнего уровня этого стандарта, широко используемого в разных сферах деятельности, включает 249 единиц. Названия стран попадают в стандарт только из специальных справочных документов ООН. Однако, если обратиться к официальным данным международной организации, используемых для статистических целей [14], то становится очевидным, что соответствующий перечень стран и областей по количеству (241 единица) и по составу отличается от перечня верхнего уровня *ISO 3166*.

В России действует собственный Общероссийский классификатор стран мира (ОКСМ), в который включена 251 единица. В нем термин “страна” используется в очень широком значении почти как родовое понятие, но без надлежащей строгости и четкости: “объектами классификации ОКСМ являются страны мира, под которыми понимаются суверенные государства и территории, имеющие политические, экономические, географические, исторические особенности и представляющие интерес с точки зрения внешнеторговых операций, транспортных перевозок и т.д.” [15].

Аналогичный подход к использованию термина “страна” (*country*) применяется в справочнике Центрального разведывательного управления США “*The World Factbook*” [16]. “Страны” в нем «могут включать “независимые государства”, “зависимые территории” (*dependencies*) и “области особого суверенитета” или другие географические объекты». Всего в этот справочник в настоящее время включены данные по 267 отдельным территориальным единицам. Но надо иметь в виду, что среди них есть Антарктида, Европейский союз, все пять мировых океанов и мир в целом.

Главное, о чем свидетельствуют приведенные примеры, это то, что во всех случаях принимается во

внимание сложность территориальной конфигурации современного мира. Сталкиваясь с огромным многообразием характеризующихся и классифицируемых случаев, необходимостью сочетания как формальных, так и неформальных подходов (иногда учета политической конъюнктуры), составители списков и перечней выдают существенно различающиеся между собой результаты.

При любых условиях ключевым для определения понятия “страна” признается наличие некоей системной общности, заключенной в достаточно четкие границы. С точки зрения политических наук, речь должна идти о политической общности и политических границах, то есть понятия “страна” и “государство” в этом смысле, если и не совпадают полностью, то очень сильно пересекаются.

Тем не менее возникает целый ряд вопросов о соотношении этих понятий. Например, когда речь идет о динамике и преемственности: остается ли “страна”, если на данной территории больше нет отдельного суверенного государства или государств образовалось несколько? Можно ли называть Грузию страной в период, когда она находилась в составе Российской империи и Советского Союза, учитывая тот факт, что до включения в состав империи единого грузинского государства не было? Не представляет ли Грузия как страна в таком случае обращенный в прошлое конструкт? Оставалась ли Польша страной в период, когда территория Речи Посполитой была разделена между тремя европейскими державами? И, наконец, существовала ли Русь как страна, когда находилась под властью Золотой Орды?

С другой стороны, можно ли считать странами все, в том числе особым путем образуемые, суверенные (полностью или частично) государственные единицы, в частности Данциг и Мемель после Первой мировой войны, Триест и Западный Берлин после Второй? Отрицательный ответ на этот вопрос очевиден. Сложнее ответить на этот вопрос применительно к Аландским островам (отдельная самоуправляющаяся часть Финляндии), которым в начале 20-х годов прошлого века были предоставлены подобные исходные условия наделения особым (даже не самостоятельным, а автономным) статусом.

Вероятно, ряд проблем может быть устранен, если признать, что понятие “страна” имеет различное содержание: одно — в *исторических науках* (в том числе, в исторической географии), другое — в *политических* (включая политическую географию). В политических науках во главу угла неизбежно ставится фактор наличия суверенитета территории и особого государственного аппарата. Как правило, это обусловлено спецификой населения данной территории: его этнического состава, языковых и конфессиональных

особенностей, системы идентичностей, исторически сложившихся традиций и т.д. С точки зрения истории, основной интерес представляет сам социум, имеющий связь с определенной территорией, а также процесс его формирования, развития и дальнейшей трансформации. На практике оба эти подхода не могут существовать полностью изолированно и дополняют друг друга.

Как следствие, ответ на простой вопрос “сколько в мире стран”, приобретает неоднозначный характер, даже если под “страной” понимаются территории, определяемые исключительно по политическим границам. При этом “страны” признаются “основными единицами социально-политической организации мира” [9]. Таким образом, “страна” должна являться базовой или, по крайней мере, одной из базовых единиц (элементов) для важной и давно состоявшейся научной дисциплины — политической географии, весьма значимой для целого ряда других наук, включая политологию. Колебания в определении числа стран в основном укладываются в диапазон 200–300 единиц — показатель не столь высок в абсолютных величинах, но весьма существен в относительных (1/3 от максимума).

К бесспорным случаям принадлежности к категории “страна” относятся полностью суверенные государства, признанные таковыми международным сообществом (то есть абсолютным большинством таких же государств). Необязательным, но значимым подтверждением этого статуса, является членство в ООН. Неопределенность проистекает из-за отсутствия в реальной политической жизни конвенционального подхода к определению и фиксации суверенности публично-правовых образований. Теория международного права включает две противостоящие позиции: 1) *декларативную теорию государственности* (или декларативную теорию признания) и 2) *конститутивную теорию государственности*. Принципиальное различие между ними заключается в оценке необходимости признания со стороны других суверенных государств. Конститутивная теория постулирует необходимость такого признания (полноправное членство в ООН фактически выступает высшей формой международного признания), декларативная — отсутствие такой необходимости (обязательными считаются только наличие определенной территории, постоянного населения и правительства, а также способность вступать в отношения с другими государствами) [17]. Не вдаваясь в тонкости научной дискуссии относительно того, что и как создает государственный суверенитет, можно отметить, что сами государства и те образования, которые хотят ими стать, ведут себя ситуативно, то есть используют подход, наиболее подходящий их политическим целям и конкретным обстоятельствам.

В контексте норм международного права особые проблемы создают следующие категории национально-этнических, территориальных и прочих образований:

1) непризнанные и частично признанные суверенные государства, точное число которых сложно назвать. Возникновение таких государств может быть вызвано различными причинами (устойчивые сепаратистские настроения, внезапный кризис и распад сложносоставных государственных образований, внешнее вмешательство и начавшийся военный конфликт и т.д.). Сроки существования непризнанных государств разные. Некоторые (например, созданное в 2007–2008 гг. полковником Мохамедом Бакаром на острове Ндзуани в составе Коморских островов) продержались всего несколько месяцев. Есть и такие (Тайвань), которые существуют многие десятилетия. Степень признания этих государств тоже может варьироваться — от полного отсутствия такового до признания достаточно большим числом государств. Однако вряд ли существуют какие-либо жесткие критерии, позволяющие считать государственное образование “признанным”. Сложно не только отделить “непризнанные” государства от “признанных”, но и “непризнанные” от тех прецедентов, когда нельзя говорить о “государстве” вовсе. В ряде случаев сепаратисты, потеряв полный контроль над территорией или удерживая его лишь в небольшой части, на длительное время сохраняют отдельные атрибуты государственности, в том числе международное представительство (Тибет);

2) территории с особым статусом, оговоренным в международных соглашениях (к ним относятся — Аландские острова, Шпицберген, Гонконг и Аомынь). Антарктида в этом списке, как правило, не фигурирует, поскольку, во-первых, не имеет постоянного населения, а, во-вторых, не включена как особая часть в состав какого-то одного государства;

3) зависимые территории, имеющие постоянное население. Речь идет о 38 владениях крупных держав — Австралии, Великобритании (включая три коронные земли, отнюдь не удаленные от основной части страны, — острова Джерси, Гернси и Мэн), Дании, Нидерландов, Новой Зеландии, США и Франции;

4) заморские территории, которые считаются неотъемлемыми составляющими метрополий, но географически значительно удалены от них и могут находиться даже в другой части света (два автономных региона Португалии, три территории Испании, три общины Нидерландов и пять заморских регионов Франции);

5) автономные территории, обладающие особым статусом, но входящие в состав государств, которые ранее не относились к колониальным державам. С этой точки зрения интересен, например, случай южнокорейского острова Чеджу, который по своему нынешнему статусу и в силу особенностей исторического развития отличается от основной части страны, вероятно, в большей степени, чем британские острова Джерси и Гернси, но в списке отдельных “стран” фактически никогда не фигурирует.

“ВЛАДЕНИЯ” ИЛИ “АВТОНОМИИ”?

Таким образом, наряду с проблемой непризнанных (или частично признанных), но реально существующих государственных образований, камнем преткновения при подсчете “стран” становится наследие колониальных империй. Основным географическим фактором, предопределившим обособленность их бывших частей, является не столько удаленность от метрополии, сколько территориальная прерывистость.

Еще сто лет назад при определении числа “стран” наряду с полностью суверенными государствами, так или иначе, принимались во внимание их “владения”, а термин “автономия” не вошел в широкое обращение. В континентальных монархиях единицей “владения”, по сути, являлась территория, учитываемая в качестве отдельного титула, который принимал глава государства (вне зависимости от существующей на тот момент системы административно-территориального управления).

Так, например, “большой титул” российских монархов включал весьма скрупулезное и в основном соответствующее действительности перечисление всех владений. Расширялось государство — расширялся и титул. Постепенно и то и другое достигло невероятных размеров. Крупный английский дипломат Э. Сатоу в одном из официальных писем приводил в качестве некоего курьеза “большой титул” Александра III, заявленный “Божией Милостию, Мы, Александр III, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсониса Таврического, Царь Грузинский, Государь Псковский и Великий князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский; Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский,

Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея Северныя страны Повелитель; Государь Иверския, Карталинския и Кабардинския земли и области Арменския; Черкасских и Горских князей и иных Наследный Государь и обладатель; Государь Туркестанский; наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Гольштинский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский и пр., и пр., и пр.” [18, сс. 85–86].

Под статью русскому был “большой титул” австрийских императоров из рода Габсбургов, которые возглавляли тоже одну из могущественнейших европейских держав, составленную из разнородных частей [19].

Определенным аналогом монаршего титула при республиканской форме правления может являться статья или пункт конституции, либо ее преамбула, содержащие сведения о составе данного конкретного государства. С этой точки зрения, третий раздел советской конституции 1977 г. — “Национально-государственное устройство СССР” — был вполне континентально-имперским. В нем в определенной иерархической последовательности перечислялись все союзные республики, а затем автономные образования, входившие в их состав.

Однако изначально восприятие “владений” в колониальных империях было иным. “Заморские” владения (а именно территориальная обособленность от основного государственного ядра — “метрополии” и составляет первоначальную основную характеристику “колонии”) рассматривались не как часть большой единой страны, а как некие подвластные страны. В отличие от пышных титулов Романовых и Габсбургов, титул английских королей был совсем коротким. В XVIII и еще даже в середине XIX столетия в нем отсутствовало какое-либо упоминание обширнейших “заморских” колоний, зато скрупулезно перечислялись весьма скромные владения Ганноверской династии на европейском континенте и унаследованные ее представителями звания. Так, на английских гиньях второй половины XVIII в. были отчеканены первые буквы слов, означавших “Великобритании, Франции (рудимент, оставшийся со времен Столетней войны. — О.П., К.С.) и Ирландии король и верный защитник, Брауншвейгский и Люнебургский герцог, Священной Римской империи архиказначей и курфюрст”.

Только в последней четверти XIX в. в титуле британских монархов впервые фигурируют огромные заморские владения, наличие которых давно уже являлось определяющим для жизни страны. В 1876 г. королева Виктория по инициативе премьер-министра Б. Дизраэли становится “Императрицей Индии”. При восшествии на престол Эдуарда VII в его титул по настоянию одного из

влиятельнейших политиков Дж. Чемберлена было включено: “король всех британских доминионов, лежащих за морем”. Эти нововведения совпадают с началом попыток “федерализации” империи. Таким образом, речь фактически шла о том, чтобы задействовать институт монархии для обеспечения целостности державы, здание которой стало давать первые трещины. До этого монархия и держава существовали не то что бы абсолютно независимо друг от друга, но все же в несколько разных плоскостях.

Полностью “имперским” — “Елизавета Вторая, Милостью Божией Королева Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и других Ее королевств и территорий, Глава Содружества наций, Защитница веры и пр., и пр., и пр.” — титул стал только в 1952 г., то есть тогда, когда распад империи шел уже полным ходом. При этом в государствах — членах Содружества (бывших колониях) этот титул звучал по-другому. На Цейлоне, например, Елизавета II должна была именоваться “Елизавета Вторая, Королева Цейлона и Ее других Государств и Территорий, Глава Содружества” [18, с. 369].

С точки зрения форм и методов управления владениями, их статуса, возможности предоставления им особых прав и свобод, серьезных различий между континентальными и колониальными империями никогда не было. Практически не существовало империи, которую можно было бы признать континентальной или колониальной “в чистом виде”.

Примером может служить Британская империя — классический образец колониальной империи. Однако ее метрополия — Соединенное королевство Великобритании и Ирландии — представляла собой по сути “континентальную” (как ни парадоксально это звучит применительно к архипелагу) мини-империю. Ирландию часто именуют “первой” или “белой” колонией Англии. Положение Ирландии в составе Британской империи и ее отношения с Лондоном скорее напоминали отношения Прибалтики с Петербургом или Чехии с Венной, чем Индии с тем же Лондоном. Нечто подобное можно сказать о Шотландии и Уэльсе. Английский историк Д. Ливен в статье, посвященной сравнению царской России и Советского Союза с другими имперскими образованиями, проводит, в частности, параллель между положением Украины и Шотландии [20, р. 617; 21, сс. 21–22].

Что касается Ирландии и Шотландии, то их можно признать не “колониями”, а “провинциями” империи (“национальные окраины” в дореволюционной российской, а потом и советской терминологии). Однако восприятие со стороны метрополии

“заморских” британских владений как отдельных стран в отличие от “ближних” владений влияло и на отношение к ним в мире. Именно поэтому британцы, говоря о своей “стране”, часто подразумевают либо все Соединенное Королевство, либо, по крайней мере, Великобританию в целом. Однако Шотландия, Уэльс и Ирландия (затем — Северная Ирландия), иногда острова Джерси, Гернси и Мэн, сохранившие свой особый статус, за границей и раньше рассматривались как отдельные “страны”. Ныне представление об Англии, Шотландии, Уэльсе, в меньшей степени Северной Ирландии как об отдельных “странах” (*country*), не обладающих суверенитетом, разделяется многими. Подтверждение этому можно найти не только в соответствующих статьях англоязычной Википедии, но и в официальном вокабулярии британских государственных ведомств [22]. Более того, на сайте Содружества (*the Commonwealth*)¹ Соединенное Королевство описано как союз четырех стран [23]. Фактически речь идет о двухуровневой конструкции: “страны внутри страны” (*countries within a country*), одно из которых — Соединенное Королевство — обладает суверенитетом, а четыре других являются “конституирующими странами” (*constituent countries*). Однако в разных контекстах могут использоваться и другие обозначения, прежде всего “регион”. Контексты также задают сложную систему отождествлений, различий и иерархий в конфигурации пяти стран. Из четырех “внутренних британских стран” наиболее “спорной страной” является Северная Ирландия и именно по политическим причинам. Использование того или иного термина (“колония”, “провинция”, “регион”, “страна”, “часть”) в отношении нее часто оспаривается, поскольку, как правило, связано с политическими предпочтениями [24]. Противостоят друг другу в Северной Ирландии, как известно, националисты и юнионисты, и спор между ними — это не только полемика по поводу власти, но и по поводу культурной идентичности: какой именно страной или частью какой страны должна быть Северная Ирландия.

С другой стороны, в противовес Британской империи царская Россия и Советский Союз представляют собой классический пример “континентальной” державы (однако Русскую Америку и Порт-Артур легче охарактеризовать в “колониальных” терминах). “Колониями” в исконном смысле этого слова были российские поселения на Камчатке и в северной части Охотского моря — по суше добраться до них фактически невозможно, поэтому их положение в социальном, экономическом

и психологическом плане не отличается от “удаленного”, “заморского” и “островного”. Такие сочетания “колониального” и “континентального” начал частично и образуют спорные случаи “стран”.

Еще одна причина появления “спорных” случаев — различия как бывших, так и сохраняющихся “владений” по базовым параметрам. Основной из них касается состояния прежнего социума: трансформировался ли он в рамках имперской системы (“туземные колонии”, “национальные окраины”) или возник принципиально новый (“переселенческие территории”). Последний и изнутри, и извне зачастую воспринимается как более близкий к “метрополии” и в значительной степени интегрированный в нее. Наиболее характерно это для держав континентального типа (например, Россия с принадлежащими ей в том числе географически изолированными территориями — полуостровом Камчатка и островом Сахалин). Однако следует учитывать, что, во-первых, исторически в переселенческих обществах процессы формирования собственной идентичности и ее политизация происходили даже быстрее, чем в “туземных”, а, во-вторых, в ряде случаев новые переселенческие общества даже в языковом и расовом отношении радикально отличаются от населения метрополии (например, острова Вест-Индии, некоторые из которых до сих пор остаются владениями европейских держав).

Наконец, важное значение имеют и размеры “владений”. По-прежнему казусом выглядит формальный и неформальный статус острова Питкэрн (британское владение в Тихом океане) с населением 49 человек — самая маленькая из числа территорий, регулярно попадающих в списки “стран”. Вопрос не в том, что Питкэрн не соответствует всем иным критериям “страны” (собственная история, идентичность, четкие границы и т.д.), а в том, что другие подобные территории в этой категории не рассматриваются.

Распад имперских систем приводил к обособлению “владений”. Однако, учитывая их многообразие, степень этого обособления оказывалась различной.

Корни проблемы, таким образом, можно обнаружить в упрощенном восприятии таких сложных и индивидуальных, гетерогенных в своей основе систем, какими являлись империи, частично или полностью распавшиеся к настоящему времени, а также в отношении к их наследию. Прежние дискурсы в новых условиях просто перестают работать и соотнести их с современными реалиями оказывается все сложнее. Можно согласиться, например, с выводом российского ученого-востоковеда Н. Добронравина о том, что “скорее всего, деколонизация остается одним из глобальных вопросов

¹ Добровольная ассоциация 52 суверенных государств, до 1946 г. — Британское содружество наций.

повестки дня ООН лишь по инерции, как воспоминание о былых достижениях мирового сообщества. Подход к самоуправляющимся территориям как к недолговечным "остаткам империй" сегодня уже не выглядит убедительно" [25, с. 18].

В дальнейшем при рассмотрении вопроса о причислении к категории "страна" акцент может сместиться с отдельных "владений" в сторону отдельных "автономий" (фактически все оставшиеся "бывшие колонии" имеют автономный статус). Иными словами, если сейчас в основном возникают вопросы, следует ли считать "странами" те или иные *владения*, то в перспективе речь все больше будет идти об *автономиях*. При этом удаленные, территориально обособленные "автономии" в асимметричных федерациях² будут гораздо легче восприниматься как отдельные "страны", что и происходит в настоящее время.

Однако к трактовке понятия "автономия" существуют различные подходы. Например, с легалистской точки зрения, под "автономными образованиями" в Российской Федерации могут понимать автономные округа и области [26]. Но в этом случае из виду упускается сущностное измерение автономии, а именно самоуправление. Ведь не только автономные округа и области имеют некоторую степень самостоятельности, но и все остальные субъекты РФ. Правда, тогда автономиями придется признать все 85 российских субъектов.

Такой подход возможен, так как выбор определяется теоретическими и эмпирическими задачами, стоящими перед конкретным исследованием. Принципиальная концептуальная развилка состоит в том, понимать ли автономию как "широкий концепт для обозначения разнообразных форм самоуправления либо как специфический термин для определения конкретных форм территориального самоуправления" [1]. Если использовать широкий подход, то почти все территории современного мира можно описать в терминах *двух* иерархически соотнесенных классов. Во-первых, *суверенные государства*, включая те образования, которые стремятся ими стать, то есть непризнанные (частично признанные) государства. Во-вторых, *автономии*, то есть территориальные единицы, так или иначе, но иерархически связанные с каким-либо суверенным государством (хотя термин "автономия" при этом может и не использоваться).

На вопрос о том, почему некоторые территории становятся автономиями, нельзя дать однозначный ответ. Безусловно, не существует единственной универсальной причины. Однако проведенный

выше анализ наглядно демонстрирует, что идея "автономии" связана с идеей "страны" — как чем-то, отсылающим к особой культурно-исторической и социальной сущности определенной территории. Реализация этой связи всегда имеет политический характер и разворачивается в конкретных обстоятельствах. Из этого следует, что не все "страны" становятся автономиями, но все автономии несут в себе что-то "страновое". Особенно четко это прослеживается на примере этнических территориальных автономий. Данные административно-территориальные единицы (АТЕ) в рамках приоритета суверенного государства обладают достаточно высокой степенью политического самоуправления и особым статусом по сравнению с другими АТЕ того же уровня, например имеют асимметричные предпочтения (языковую политику, представительство в органах власти, экономические предпочтения и т.д.). При этом такие предпочтения более или менее конвенционально связываются с определенной этнической спецификой конкретной территории³.

* * *

Итак, "государство" — это понятие, задающее политико-институциональное измерение территориального образования, а термин "страна" — "культурное", прежде всего, вероятно, "политико-культурное". Эти измерения корреспондируют между собой сложным образом. Вступая во взаимодействие, они одновременно проявляют и центробежную, и центростремительную тенденции. У данных понятий есть как общие атрибуты (территория и население), так и специфические ("власть" у государства и "политизированная культурная идентичность" у страны). Возможность появления "автономии" как территориального образования обнаруживается в тот момент и в той точке, когда территориальные границы "государства" и "страны" не совпадают, когда два измерения ("власть" и "идентичность") конфликтуют между собой в определенных территориальных пределах.

Основное условие реализации этой возможности — появление политической субъектности у "страны", то есть возникновение некой силы, которая, опираясь на "культурную" специфику территории, сможет поставить вопрос о ее политико-институциональном статусе. Дальнейший ход событий определяется взаимодействием этого политического субъекта с властями государства пребывания (*host state*), в процессе которого последние *отвечают* на поставленный вопрос. Большое значение имеет конфигурация и характер политической

² Асимметричная федерация — федерация, субъекты (члены) которой имеют неодинаковые юридические права.

³ Список существующих в мире этнических региональных автономий (более 100), базу данных и другие материалы см. [27].

субъектности “страны”, которые весьма вариативны. Очевидно, что в некоторых случаях субъектность зреет и актуализируется изнутри “страны” (из бесспорных примеров — Шотландия, Каталония, но и Абхазия), в других — ее становление скорее представляет ответную реакцию на предложение со стороны властей государства (Уэльс). Иногда ключевую роль, наряду с внутренними акторами, играют внешние, в том числе *kin-state*⁴ (Южный Тироль, Аландские острова). Так или иначе, успешным результатом для политического субъекта, представляющего “страну”, может считаться обретение им политико-институционального статуса: либо автономного в составе государства пребывания, либо суверенного, когда “страна” начинает строить самостоятельную государственность. Оба эти варианта позволяют снять напряжение между территориальными измерениями “власти” и “идентичности”, по крайней мере на какой-то период.

Статус автономии, таким образом, не следует воспринимать как обязательно “временный” или

⁴ *Kin-state* — родственное государство (перевод с английского языка). Понятие используется для обозначения того государства, большинство населения которого относятся к одной этнической или культурной общности с меньшинством населения другой страны.

“переходный” (хотя иногда он таковым и является). В современном мире автономия зачастую оказывается вполне устойчивым и самодостаточным образованием.

В практическом плане для унификации подходов к учету базовых единиц социально-политической организации (например, при подготовке справочников) уже сейчас можно рекомендовать следующее: рассматривать все асимметричные автономии первого уровня (включая “владения”) на основе общих правил, но в рамках разделов, посвященных соответствующим суверенным государствам, частью которых они являются. В качестве особых случаев необходимо выделить непризнанные и частично признанные государственные образования. При использовании в таком смысле термина “страна”, очевидно, стоит оговаривать неизбежно возникающую в этой связи тенденцию к политизации и, следовательно, субъективности оценок некоторых отдельных прецедентов.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00034) в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования “Пермский государственный национальный исследовательский университет”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Панов П. В. Мир этнических региональных автономий: представление новой базы данных. *Вестник Пермского университета. Серия Политология*, 2016, № 4, сс. 69-97. [Panov P. V. Mir etnicheskikh regional'nykh avtonomii: predstavlenie novoi bazy dannykh [The World of Ethnic Regional Autonomies: Introducing a New Database]. *Perm University Herald. Political Science*, 2016, no. 4, pp. 69-97.]
2. Ackren M. *Conditions for Different Autonomy Regimes in the World. A Fuzzy-Set Application*. Abo, Abo Akademi University Press, 2009. 228 p.
3. Elazar D. J. *Federal Systems of the World: A Handbook of Federal, Confederal and Autonomy Arrangements*. Harlow, Longman Current Affairs, 1994. 364 p.
4. Ghai Y., ed. *Autonomy and Ethnicity: Negotiating Competing Claims in Multi-Ethnic States*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 312 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511560088>.
5. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Москва, Прогресс, 1987. Т. 3. 832 с. [Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Russian Etymological Dictionary]. Moscow, Progress, 1987. Vol. 3. 832 p.]
6. *Definition of Country by Merriam-Webster*. Available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/country> (accessed 05.03.2017).
7. Лихачев Д. С. Заметки о русском. *Новый мир*, 1980, № 3. [Likhachev D. S. Zametki o russkom [Notes on Russian]. *Novyi mir*, 1980, no. 3.] Available at: <http://likhachev.lfond.spb.ru/Articles/zam.htm> (accessed 05.03.2017).
8. *Loi no 95-115 du 4 février 1995 [archive] d'orientation pour l'aménagement et le développement du territoire*. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/WAspad/UnTexteDeJorf?numjo=INTX9400057L> (accessed 05.03.2017).
9. Козырева А. М. *Страноведение: учеб. пособие*. Ярославль, Яросл. гос. ун-т, 2012. 112 с. [Kozyreva A. M. *Stranovedenie: ucheb. posobie* [Country Studies: School-book]. Yaroslavl, YarSU, 2012. 112 p.]
10. Сапожникова Е. Н. *Страноведение: теория и методика туристского изучения стран*. Москва, Издательский центр “Академия”, 2004. 240 с. [Sapozhnikova E. N. *Stranovedenie: teoriya i metodika turistskogo izucheniya stran* [Country Studies: Theory and Methodology of Tourism Research of Countries]. Moscow, Publishing Center “Academy”, 2004. 240 p.]
11. *Associations. The Fédération Internationale de Football Association (FIFA)*. Available at: <http://www.fifa.com/associations/index.html> (accessed 05.03.2017).
12. *International Olympic Committee*. Available at: <https://www.olympic.org/national-olympic-committees> (accessed 05.03.2017).

13. *Country Codes — ISO 3166. International Organization for Standardization*. Available at: <https://www.iso.org/iso-3166-country-codes.html> (accessed 05.03.2017).
14. *Countries or Areas, Codes and Abbreviations. United Nations Statistics Division (UNSD)*. Available at: <https://unstats.un.org/unsd/methods/m49/m49alpha.htm> (accessed 05.03.2017).
15. *ОК (МК (ИСО 3166) 004–97) 025–2001 Общероссийский классификатор стран мира. Утвержден Постановлением Государственного комитета Российской Федерации по стандартизации и метрологии от 14 декабря 2001 г. N529-ст.* [Russian Classification of Countries of the World. Approved by the Resolution of the State Committee of the Russian Federation for Standardization and Metrology. December 14, 2001, no. 529-st. (In Russ)]
16. *The World Factbook: Definitions and Notes*. Available at: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/docs/notesanddefs.html> (accessed 05.03.2017).
17. *The Montevideo Convention on the Rights and Duties of States. Original Text at UN Treaties Series, Registration Number: 3802*. Available at: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/LON/Volume%20165/v165.pdf> (accessed 05/03.2017).
18. Сатоев Э. *Руководство по дипломатической практике*. Москва, Издательство Института международных отношений, 1961. 496 p. [Satow E. *Rukovodstvo po diplomaticheskoi praktike* [A Guide to Diplomatic Practice]. Moscow, Publishing House of the Institute of International Relations, 1961. 496 p.]
19. Macartney C.A. *The Habsburg Empire. 1790–1918*. London, 1968. 834 p.
20. Lieven D. The Russian Empire and the Soviet Union as Imperial Polities. *Journal of Contemporary History*, 1995, vol. 30, issue 4, pp. 607-636.
21. Грудзинский В.В. Британия и Россия: судьбы двух империй. (К вопросу о политической эволюции). *Из британской истории нового и новейшего времени*. Челябинск, 1992, сс. 19-35. [Grudzinski V.V. Britaniya i Rossiya: sud'by dvukh imperii. (K voprosu o politicheskoi evolutsii) [Britain and Russia: the Fate of the Two Empires. (On the Question of Political Evolution). *Iz britanskoi istorii novogo i noveishego vremeni* [From the British History of Modern Period]. Chelyabinsk, 1992, pp. 19-35.]
22. *The Countries of the UK. Office for National Statistics*. Available at: <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20160105160709/http://www.ons.gov.uk/ons/guide-method/geography/beginner-s-guide/administrative/the-countries-of-the-uk/index.html> (accessed 05.03.2017).
23. *United Kingdom. The Commonwealth*. Available at: <http://thecommonwealth.org/our-member-countries/united-kingdom> (accessed 05.03.2017).
24. Whyte J. *Interpreting Northern Ireland*. Oxford, Clarendon Press, 1991. 308 p.
25. Добронравин Н. *Конец деколонизации: несамоуправляющиеся территории в составе обновленных (постколониальных) империй*. Препринт М-47/16, Центр исследований модернизации. Санкт-Петербург, 2016. 38 с. [Dobronrav N. *Konets dekolonizatsii: nesamoupravlyuushiesya territorii v sostave obnovlennykh (postkolonial'nykh) imperii* [End of Decolonization: Non-Self-Governing Territories as Part of the Renewed (Postcolonial) Empires]. Preprint M-47/16, Center for modernization studies. Saint-Petersburg, 2016. 38 p.]
26. Катков Д.Б., Корчиго Е.В. *Конституционное право России. Учебное пособие*. [Katkov D.B., Korchigo E.V. *Konstitutsionnoe pravo Rossii. Uchebnoe posobie* [Constitutional Law of Russia. School-book]] Available at: <http://www.bibliotekar.ru/konstitucionnoe-pravo-5/48.htm> (accessed 04.03.2017).
27. *Обеспечение баланса в межэтнических отношениях: региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. [Securing a Balance in Interethnic Relations: Regional Autonomies, the State Integrity and the Rights of Ethnic Minorities (In Russ.)] Available at: http://identityworld.ru/index/atlas_era/0-4 (accessed 05.03.2017).

**“COUNTRY” AND “AUTONOMY” AS ACCOUNTING UNITS
IN CONTEMPORARY WORLD**

(*World Economy and International Relations, 2017, vol. 61, no. 11, pp. 66-75*)

Received 24.05.2017.

Oleg B. PODVINTSEV (podvintsev2009@yandex.ru),

Perm Federal Research Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, 13a, Lenina Str., Perm', 614990, Russian Federation.

Konstantin A. SULIMOV (k.sulimov@yandex.ru),

Perm State University, 15, Bukireva Str., Perm', 614990, Russian Federation.

Acknowledgements. The article has been supported by a grant of the Russian Science Foundation. Project no. 15-18-00034 “Securing a Balance in Interethnic Relations: Regional Autonomies, the State Integrity and the Rights of Ethnic Minorities”.

The article examines the usage of the term "country" in describing and studying the forms of the modern world territorial organization. In ordinary discourse, this term is widely used for reference to a class of territorial units which are intuitively characterized by some kind of commonality. However, this commonality can be exposed and understood through some other terms and concepts. Juxtaposition of the terms "country", "state", and "autonomy"

allows making the nature and the structure of the modern world territorial arrangement more clear. Also, it contributes to a conceptual discussion about "territories with special status". The term "state" specifies a political-institutional dimension of territorial formation, and the term "country" defines its cultural, including political-cultural dimension. Between these dimensions there are complex relationships of interdependence and repulsion. The terms "country" and "state" have both common attributes (territory and population), and specific ones ("power" — in relation to the "state" and "politicized cultural identity" — in relation to the country). The discrepancy between territorial boundaries of the "state" and the "country" may lead to the emergence of "autonomy" as a territorial entity. That is, "power" and "identity" conflict with each other in the territorial dimension. The emergence of the "country" as a political actor is a condition for realization of this possibility. It raises a question of the "country's" political and institutional status based on its "cultural" specifics.

Keywords: country, sovereign state, autonomy, colonial and continental empire, territory with special status.

About authors:

Oleg B. PODVINTSEV, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department for Research of Political Institutions and Processes.

Konstantin A. SULIMOV, Candidate of Political Science, Associate Professor at the Political Science Department.

DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-11-66-75